Правовое регулирование стейблкоинов в Российской Федерации

Шишова Валентина Дмитриевна
юрист, ООО «Верба Лигал», valentina.shishova02@gmail.com

В статье исследуются теоретические и практические проблемы гражданско-правовой квалификации и регулирования стейблкоинов в Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена активным использованием стабильных монет российскими участниками оборота в условиях санкционного давления и необходимостью выработки адекватных частноправовых механизмов для обеспечения трансграничных расчетов. Автор анализирует правовую природу стейблкоинов через призму институтов цифровой валюты и цифровых прав (цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав), а также зарубежный опыт регулирования стейблкоинов. На основе исследования предложены направления совершенствования российского законодательства, включая внедрение института «номинальных цифровых финансовых активов» и исключение избыточных критериев из дефиниции цифровой валюты.
Ключевые слова: стейблкоин, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, иностранные цифровые права, трансграничные расчеты.

Введение

Динамичное развитие технологий распределенного реестра привело к существенной трансформации глобального финансового рынка и появлению принципиально новых расчетных и инвестиционных инструментов. Традиционные криптовалюты, несмотря на высокую скорость проведения транзакций и трансграничный характер обращения, обладают фундаментальным недостатком – чрезмерно высокой волатильностью, которая существенно ограничивает их использование в качестве надежного средства обмена и сохранения стоимости [7]. Стремление преодолеть этот недостаток в рамках цифровой среды предопределило появление стейблкоинов (стабильных монет) – криптоактивов, ценность которых поддерживается с помощью специальных механизмов стабилизации, таких как привязка к курсу фиатных валют, драгоценных металлов или иных ликвидных ценностей.

В условиях санкционного давления, затронувшего традиционную банковскую инфраструктуру и усложнившего проведение трансграничных платежей, российские участники внешнеэкономической деятельности стали активно использовать стейблкоины (прежде всего, долларовые монеты USDT и USDC) в качестве эффективного альтернативного расчетного инструмента [2]. По данным аналитических отчетов, совокупная капитализация глобального рынка стейблкоинов выросла с 5 млрд долларов США в начале 2020 года до 232 млрд долларов в марте 2025 года [1], а к 2026 году этот показатель достиг 318 млрд долларов [11]. Данные масштабы свидетельствуют о том, что стейблкоины превратились из нишевого спекулятивного актива в системно значимый элемент международной платежной архитектуры.

При этом несмотря на то, что Банк России в конце 2025 года представил Концепцию регулирования криптовалют, признающую за стейблкоинами статус валютных ценностей, допустимых к обороту при сохранении запрета на внутренние платежи, частноправовая природа этих инструментов и механизмы их легитимации в рамках отечественной цивилистической догматики до сих пор остаются предметом острых дискуссий.

1. Понятие и частноправовая природа стейблкоинов

Для определения оптимальных путей правового регулирования стейблкоинов первостепенное значение имеет анализ их экономической сущности во взаимосвязи с категориями отечественного гражданского права. С правовой точки зрения стейблкоин представляет собой цифровой объект, выраженный в виде совокупности электронных данных в распределенном реестре, ценность которого стабилизируется посредством различных обеспечительных или алгоритмических механизмов [6].

В научной доктрине и зарубежной практике выделяют четыре основные экономические категории стейблкоинов в зависимости от способа их стабилизации [1; 7]:

- фиатно-обеспеченные (fiat-backed), при которых эмитент хранит резерв в традиционной валюте или высоколиквидных инструментах в отношении 1:1 к выпущенным токенам;
- криптообеспеченные (crypto-collateralized), обеспеченные избыточным залогом других волатильных криптовалют в смарт-контракте;
- товарообеспеченные (commodity-collateralized), привязанные к физическим ценностям, таким как золото или нефть;
- алгоритмические или необеспеченные (algorithmic), стабильность которых поддерживается исключительно за счет программного регулирования спроса и предложения.

Основная цивилистическая проблема заключается в соотнесении данных экономических моделей с институтами цифровой валюты и цифровых прав, закрепленными в российском законодательстве. Согласно ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА), цифровая валюта характеризуется двумя ключевыми признаками: возможностью ее принятия в качестве средства платежа или инвестиций и отсутствием обязанного лица перед каждым обладателем таких электронных данных

(за исключением оператора или узлов информационной системы, обеспечивающих технический порядок ведения реестра).

Данный ограничительный критерий («отсутствие обязанного лица») порождает глубокое догматическое противоречие при попытке квалифицировать обеспеченные стейблкоины в качестве цифровой валюты. Любой обеспеченный стейблкоин (например, USDT компании Tether Limited или USDC консорциума Circle) по своей природе предполагает наличие конкретного централизованного эмитента, который берет на себя обязательства по формированию резервных активов, управлению ими и обеспечению права обратного выкупа (погашения) токенов по номинальной стоимости [5; 6]. Наличие такого обязанного субъекта автоматически исключает обеспеченные стейблкоины из легального поля цифровых валют в РФ. Как справедливо подчеркивают исследователи, под существующее российское определение цифровой валюты могут подпадать лишь алгоритмические стейблкоины, стабильность которых регулируется кодом смарт-контракта без участия центрального эмитента [6; 10]. Однако алгоритмические модели (после резонансного краха TerraUSD в мае 2022 года) продемонстрировали свою крайнюю нестабильность и системную уязвимость [1].

Дополнительным дефектом легального определения цифровой валюты выступает его зависимость от характера регулирования цифровых активов в иностранных юрисдикциях. Согласно Закону о ЦФА, цифровая валюта не может являться денежной единицей иностранного государства или международной расчетной единицей. На практике это приводит к абсурдным ситуациям: когда Республика Эль-Сальвадор признала Bitcoin официальным платежным средством, данный актив с формально-юридической точки зрения перестал соответствовать понятию цифровой валюты в Российской Федерации [9]. Это создает правовую неопределенность для отечественных кредитных организаций, которые в 2025 году начали активно выпускать цифровые финансовые активы с привязкой к рыночной стоимости Bitcoin и Ethereum [9].

Поскольку обеспеченные стейблкоины имеют централизованного эмитента и предоставляют имущественные требования, ряд исследователей предлагает рассматривать их в рамках правового режима цифровых прав (ст. 141.1 ГК РФ) – цифровых финансовых активов (ЦФА) или утилитарных цифровых прав (УЦП) [2]. Действительно, правовая конструкция ЦФА позволяет закреплять денежные требования, привязанные к стоимости внешнего базового актива (например, золота или валюты), а закон прямо допускает использование ЦФА во внешнеторговых расчетах.

Тем не менее детальный анализ показывает, что классический гражданско-правовой режим ЦФА в его текущем виде не приспособлен для обеспечения полноценного функционирования стейблкоинов. Это обусловлено тремя фундаментальными цивилистическими препятствиями [2]:

- Отсутствие механизма повторной (динамической) эмиссии. При выпуске стейблкоинов объем находящихся в обращении монет должен непрерывно меняться (путем минта и сжигания) в зависимости от объема резервных активов, передаваемых эмитенту. Российское же законодательство требует, чтобы каждый выпуск ЦФА осуществлялся на основании фиксированного решения о выпуске, под которое разворачивается отдельный изолированный смарт-контракт. Проведение дополнительных выпусков в рамках одного и того же решения не предусмотрено.
- Отсутствие юридической взаимозаменяемости (fungibility). Из-за невозможности динамического расширения одного смарт-контракта эмитент гипотетического российского стейблкоина вынужден проводить множество отдельных выпусков ЦФА с идентичными условиями. Однако токены разных выпусков будут юридически самостоятельными объектами, привязанными к разным решениям, что исключает их свободное смешение и использование в качестве единого, однородного средства расчетов.
- Централизация отечественных информационных систем. Российские операторы информационных систем (ОИС) функционируют на принципах закрытых, контролируемых реестров, где именно ОИС определяет тарифную политику и осуществляет тотальный контроль над транзакциями. Это вступает в противоречие с технологической сущностью глобальных стейблкоинов, ориентированных на обращение в открытых (permissionless) пиринговых блокчейн-сетях.

Таким образом, стейблкоины занимают промежуточное, гибридное положение между цифровыми валютами и цифровыми финансовыми активами, обнаруживая признаки дефицита правового регулирования в рамках существующей классификации отечественного цифрового права.

2. Зарубежные подходы к регулированию стейблкоинов

Опыт зарубежных стран демонстрирует многообразие подходов к интеграции стейблкоинов в национальные правовые системы. В цивилистическом аспекте ключевая задача зарубежных регуляторов сводилась к определению того, нормами какого традиционного института (денежного права, законодательства о ценных бумагах или электронных деньгах) должны регулироваться отношения между эмитентом и держателем стабильных токенов.

В Соединенных Штатах Америки долгое время превалировал фрагментарный подход, вызванный межведомственной конкуренцией [7]. Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) традиционно стремилась квалифицировать стейблкоины как инвестиционные контракты («ценные бумаги»), применяя к ним «тест Хауи» (Howey Test) [4]. Однако цивилистическая доктрина США справедливо критиковала этот подход, указывая, что стейблкоины с фиксированной стоимостью погашения предназначены исключительно для сохранения ценности и проведения расчетов, а их держатели изначально лишены объективной возможности получать «ожидаемую прибыль от усилий третьих лиц», что не позволяет признать их ценными бумагами [7].

Ситуация кардинально изменилась с принятием в июле 2025 года федерального закона Genius Act (вступает в силу в январе 2027 года), который официально закрепил стейблкоины, обеспеченные долларом, в качестве нового самостоятельного класса платежных инструментов [8; 11]. Закон ввел жесткие стандарты: обязательное 100-процентное резервирование в высоколиквидных американских активах (наличные, казначейские векселя), регулярный аудит, прямой запрет на выплату процентов держателям (для недопущения конкуренции с банковскими депозитами) и предоставление держателям приоритетного права требования к резервам в случае банкротства эмитента [8; 11].

В Европейском союзе регулирование стейблкоинов было унифицировано в рамках регламента MiCA (Markets in Crypto-Assets Regulation), вступившего в силу в 2023–2024 годах [8; 11]. MiCA разделяет стабильные монеты на токены электронных денег (electronic money tokens – EMT), привязанные к одной фиатной валюте, и токены, привязанные к активам (asset-referenced tokens – ART), привязанные к корзине валют или иным ценностям [1]. Эмитенты EMT приравнены к учреждениям электронных денег (EMI) и обязаны предоставлять держателям безусловное право на погашение токенов по номиналу в любое время [11]. Как и в США, в ЕС установлен императивный запрет на начисление процентов по стейблкоинам во избежание системных рисков для банковского сектора [11].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе наиболее последовательные модели регулирования выстроены в Японии, Сингапуре и Гонконге. В Японии в соответствии с поправками к Закону о платежных услугах (Payment Services Act), вступившими в силу в 2023 году, стейблкоины официально отнесены к категории «электронных платежных инструментов» [8; 11]. Правом их выпуска наделены исключительно лицензированные банки, трастовые компании и зарегистрированные операторы денежных переводов [11]. Денежно-кредитное управление Сингапура (MAS) в августе 2023 года утвердило Регуляторную структуру для одновалютных стейблкоинов (SCS), требующую от эмитентов поддержания сегрегированных резервов в объеме не менее 100% от находящихся в обращении токенов и обеспечения выплаты при погашении в течение 5 рабочих дней [8; 11]. В Гонконге с августа 2025 года введен режим обязательного лицензирования эмитентов фиатных стейблкоинов под эгидой Управления денежного обращения Гонконга (HKMA), при этом стейблкоины нелицензированных эмитентов могут предлагаться исключительно профессиональным инвесторам [11].

Особый интерес для Российской Федерации представляет опыт стран ближнего зарубежья и Евразийского экономического союза (ЕАЭС):

В Республике Беларусь регулирование стейблкоинов осуществляется в рамках специального режима Парка высоких технологий (Декрет № 8) [9]. Инвестирование и расчеты в стейблкоинах допускаются исключительно через инфраструктуру специализированных «криптобанков», совмещающих функции банковских учреждений и криптоплатформ [11].

В Республике Казахстан выстроена двухуровневая модель. На территории Международного финансового центра «Астана» (МФЦА) действует британское право, в рамках которого в 2024 году были приняты Правила деятельности в сфере цифровых активов, позволившие, в частности, запустить в июне 2025 года первый стейблкоин AxCNH, привязанный к офшорному юаню, для обслуживания внешнеторговых расчетов. На национальном уровне Национальный банк Казахстана в сентябре 2025 года запустил пилотный проект по выпуску стейблкоина в тенге (EVO/KZTE) на блокчейне Solana в рамках интеграции с инфраструктурой Mastercard и Евразийского банка [8; 11].

В Кыргызской Республике в рамках реализации Закона «О виртуальных активах» в конце 2025 года был зарегистрирован первый государственный стейблкоин USDKG, привязанный к доллару США и обеспеченный физическим золотом, хранящимся в резервах Министерства финансов [11]. Также в декабре 2025 года на бирже Binance был осуществлен листинг киргизского стейблкоина KGST, привязанного к сому.

В Республике Узбекистан с января 2026 года в рамках регуляторной «песочницы» Национального агентства перспективных проектов (НАПП) стейблкоины временно допущены к использованию в качестве платежного средства внутри страны, а в июле 2025 года осуществлен выпуск токена HUMO, обеспеченного государственными облигациями [8].

Противоположную, максимально жесткую позицию занимает Китайская Народная Республика. В феврале 2026 года Народный банк Китая совместно с профильными ведомствами опубликовал ряд заявлений, подтверждающих абсолютный запрет на любые операции с криптовалютами и стейблкоинами внутри страны, мотивируя это защитой монетарного суверенитета и борьбой с легализацией преступных доходов [8]. Развитие цифровых финансовых технологий в КНР осуществляется исключительно через государственную цифровую валюту e-CNY [10].

Обзор зарубежного опыта показывает, что большинство юрисдикций отказалось от квалификации стейблкоинов в качестве ценных бумаг, избрав модель специального регулирования, базирующуюся на признании стейблкоинов суррогатами электронных денег или специфическими платежными инструментами, требующими обязательного 100-процентного резервного покрытия.

3. Режим иностранных цифровых прав (ИЦП) как канал легализации стейблкоинов в РФ

Важнейшей вехой на пути формирования отечественного правового регулирования стейблкоинов стало принятие Федерального закона от 8 августа 2024 года № 221-ФЗ, который ввел в российское правовое поле категорию «иностранных цифровых прав» (ИЦП) [2; 8]. Так, ИЦП признаются обязательственные и иные права, выпуск, учет и обращение которых осуществляются в информационной системе, организованной не в соответствии с российским правом (за исключением иностранных ценных бумаг).

Введение института ИЦП открыло теоретическую возможность для интеграции зарубежных стейблкоинов в российскую экономику. Практическая реализуемость данной модели была подтверждена прецедентом в сентябре 2025 года: российский оператор информационной системы ООО «Токены» (платформа «Токеон») впервые осуществил квалификацию иностранного стейблкоина A7A5 (эмитированного в Кыргызстане и обеспеченного рублевыми депозитами в банках) в качестве ИЦП, допустив его к официальному обращению на отечественной платформе [2; 8].

Однако, несмотря на прогрессивный характер данной новеллы, широкое использование ИЦП в качестве канала для легализации глобальных стейблкоинов сталкивается с существенными правовыми барьерами, заложенными на уровне подзаконного регулирования Банка России. Указанием Банка России от 1 апреля 2025 года № 7036-У были утверждены дополнительные требования к ИЦП, которые могут быть квалифицированы в качестве цифровых прав на территории РФ. Данный документ устанавливает ряд жестких пресекательных условий, в частности:

- лицо, обязанное по ИЦП (эмитент), не должно являться резидентом «недружественного» иностранного государства;
- правила выпуска ИЦП и применимое право не должны предусматривать возможность рассмотрения споров на территории «недружественных» юрисдикций;
- в информационной системе должна отсутствовать техническая или юридическая возможность ограничения (блокировки) распоряжения активами со стороны эмитента.

Критерий отсутствия возможности односторонней блокировки активов эмитентом является критическим. Большинство глобальных обеспеченных стейблкоинов функционируют на смарт-контрактах, которые содержат встроенную функцию «blacklist» (черный список), позволяющую эмитенту в одностороннем порядке замораживать токены на конкретных адресах без решения суда. Например, в марте 2025 года компания Tether Limited заблокировала около 27 млн долларов в USDT на кошельках, связанных с российской биржей Garantex [1].

Поскольку эмитенты крупнейших стейблкоинов (USDT и USDC) зарегистрированы в юрисдикциях, прямо или косвенно контролируемых недружественными государствами, а технические параметры их смарт-контрактов предусматривают возможность удаленной заморозки токенов, данные активы не могут пройти процедуру квалификации в качестве ИЦП в соответствии с Указанием № 7036-У [2; 8]. Таким образом, наиболее ликвидный сегмент глобального рынка стабильных монет по-прежнему остается в России в «серой» правовой зоне, что вынуждает отечественные компании использовать их во внешнеторговых расчетах в условиях отсутствия специального правового режима и соответствующих гарантий судебной защиты.

4. Направления совершенствования российского законодательства о цифровых правах и цифровых валютах

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости комплексной модернизации российского законодательства с целью преодоления правового вакуума и создания надежной частноправовой основы для выпуска собственных стейблкоинов и легализации наиболее востребованных иностранных стабильных токенов.

Первым концептуальным направлением должно стать реформирование легальной дефиниции цифровой валюты, закрепленной в ст. 1 Закона о ЦФА. Необходимо исключить из определения указание на то, что цифровая валюта не может являться международной расчетной единицей или денежной единицей иностранного государства, а также убрать обязательное условие об отсутствии обязанного лица [9]. Корректная частноправовая дефиниция должна строиться вокруг технологических и функциональных свойств актива (обращение в распределенном реестре, использование в качестве средства обмена или инвестиций), не ставя его правовую квалификацию в зависимость от наличия или отсутствия эмитента либо характера его признания за рубежом. Это позволит распространить режим цифровой валюты на все категории стейблкоинов (как обеспеченные, так и алгоритмические).

Вторым, наиболее перспективным цивилистическим направлением является создание специального правового режима для стейблкоинов, выпускаемых в российской юрисдикции, в рамках института цифровых финансовых активов. Как обосновывается в Докладе Банка России для общественных консультаций (2026 г.), такие инструменты могут быть законодательно определены как «номинальные цифровые финансовые активы» (номинальные ЦФА) [11]. Под номинальными ЦФА предлагается понимать разновидность цифровых прав, условия выпуска которых предусматривают их безусловное погашение (обратный выкуп) эмитентом в любое время по требованию владельца по фиксированной номинальной стоимости, без установления определенного срока погашения [11].

Частноправовой режим выпуска и обращения номинальных ЦФА (российских стейблкоинов) должен базироваться на следующих принципах:

- Ограничение круга эмитентов. Правом выпуска номинальных ЦФА должны обладать исключительно кредитные организации (банки), финансовая устойчивость которых гарантируется соблюдением пруденциальных нормативов Банка России, либо специализированные общества (SPV), деятельность которых ограничена только выпуском стейблкоинов под конкретное обеспечение [11].
- Жесткие требования к резервам (обеспечению). Для SPV-эмитентов должно быть установлено требование о формировании обособленного резервного пула активов в соотношении не менее 1:1 к объему выпущенных стейблкоинов (с возможным избыточным покрытием в 2% для компенсации операционных рисков) [11]. Резервные активы должны размещаться исключительно в высоколиквид-

ных инструментах с низким уровнем риска (ОФЗ, сделки репо с центральным контрагентом, депозиты в системно значимых банках) под контролем специализированного депозитария [11].

- Отказ от начисления доходности. По аналогии с Genius Act в США и MiCA в ЕС, по номинальным ЦФА должен быть установлен императивный запрет на выплату процентов или инвестиционного дохода [11]. Данная мера необходима для того, чтобы стейблкоины не выступали в качестве суррогатов банковских вкладов и не провоцировали неконтролируемый отток ликвидности из традиционной банковской системы.
- Четкое разграничение сфер применения. В целях недопущения фрагментации денежного обращения и защиты конституционного статуса рубля как единственного законного платежного средства на территории РФ (ст. 75 Конституции РФ), использование номинальных ЦФА во внутренних расчетах между резидентами за товары, работы и услуги должно быть строго запрещено [12]. Сферой их легального использования должны выступать исключительно трансграничные расчеты по внешнеторговым контрактам, расчеты в криптосфере и совершение инвестиционных сделок на организованных площадках.

Внедрение предложенной модели позволит не только вывести трансграничные расчеты российского бизнеса из серой зоны, но и создаст надежные правовые гарантии защиты прав владельцев цифровых активов от рыночных и кредитных рисков эмитентов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что стейблкоины представляют собой сложный, гибридный правовой феномен, находящийся на стыке денежного, обязательственного и информационного права. Существующая в Российской Федерации нормативно-правовая база, заложенная Законом о ЦФА, обнаруживает очевидное догматическое несовершенство, не позволяя адекватно квалифицировать обеспеченные стейблкоины ни в качестве цифровой валюты, ни в качестве классических цифровых финансовых активов.

Опыт зарубежных стран (в особенности США, ЕС и государств Азиатско-Тихоокеанского региона) демонстрирует устойчивый вектор на создание специальных регуляторных режимов для стейблкоинов, основанных на признании их суррогатами электронных денег с жесткими требованиями к резервированию 1:1. Попытки использовать институт иностранных цифровых прав (ИЦП) для легализации глобальных стейблкоинов в России наталкиваются на непреодолимые требования Банка России об отсутствии у эмитентов возможности односторонней блокировки активов, что оставляет наиболее ликвидные мировые стабильные монеты за пределами легального поля.

Для решения указанных проблем представляется необходимым: во-первых, скорректировать легальное определение цифровой валюты, устранив зависимость квалификации от наличия обязанного лица и зарубежного регулирования; во-вторых, законодательно закрепить институт «номинальных цифровых финансовых активов» как отечественного аналога обеспеченных стейблкоинов. Данный подход позволит гармонично сочетать инновационный потенциал стабильных токенов в сфере трансграничных расчетов с необходимостью обеспечения финансовой стабильности и сохранения монетарного суверенитета Российской Федерации.

Литература

1. Александров Н.Л. Рынок стейблкоинов: анализ, классификация и перспективы // Финансы и кредит. 2025. № 12. С. 95-112.
2. Бирюков А.С. Обеспеченные стейблкоины как цифровые права // Хозяйство и право. 2025. № 8. С. 75-86.
3. Горбачева Т.А. Понятие стейблкоинов и актуальное состояние рынка стабильных монет // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 1. С. 126-139.
4. Егорова М.А., Белицкая А.В. Финансовая стабильность и «стабильные монеты» (стейблкоин): правовой аспект // Юрист. 2021. № 11. С. 2-7.
5. Никитин Д.В. Виды цифровых валют и специфика их правового режима // Образование и право. 2022. № 11. С. 168-173.
6. Никлаус В.С. О правовой природе и понятии стейблкоинов // Финансовое право. 2024. № 5. С. 34-37.
7. Новоселова Л.А., Медведева Т.М. О формировании правового режима стейблкоинов // Банковское право. 2021. № 6. С. 7-14.
8. Пепеляева Л.В. Новые направления использования стейблкоинов и вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2026. № 4. С. 48-61.
9. Переседов А.М. О совершенствовании законодательного определения цифровой валюты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2026. № 1 (168). С. 272-278.
10. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. 304 с.
11. Стейблкоины: направления развития в России. Доклад для общественных консультаций / Департамент стратегического развития финансового рынка Банка России. М.: ЦБ РФ, 2026. 47 с.
12. Толстопятенко Г.П., Хозова Е.А. Правовое регулирование стейблкоинов в России и зарубежных странах // Финансовое право. 2026. № 5. С. 25-28.

Legal Regulation of Stablecoins in the Russian Federation

Shishova V.D.
Verba Legal LLC

The article explores the theoretical and practical issues of the civil law classification and regulation of stablecoins in the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the active use of stablecoins by Russian market participants under sanctions pressure and the need to develop adequate private law mechanisms for cross-border settlements. The author analyzes the legal nature of stablecoins through the prism of digital currency and digital rights (digital financial assets and utilitarian digital rights) as well as the foreign experience of stablecoin regulation. Based on the study, directions for improving Russian legislation are proposed, including the introduction of the concept of “nominal digital financial assets” and the exclusion of redundant criteria from the definition of digital currency.

Keywords: stablecoin, digital currency, digital financial assets, foreign digital rights, cross-border settlements.

References

1. Aleksandrov N.L. Rynok steiblkoinov: analiz, klassifikatsiya i perspektivy [The stablecoin market: analysis, classification, and prospects]. Finansy i kredit [Finance and Credit], 2025, no. 12, pp. 95–112. (In Russ.)
2. Biryukov A.S. Obespechennye steiblkoiny kak tsifrovye prava [Collateralized stablecoins as digital rights]. Khozyaystvo i pravo [Economy and Law], 2025, no. 8, pp. 75–86. (In Russ.)
3. Gorbacheva T.A. Ponyatie steiblkoinov i aktualnoe sostoyanie rynka stabilnykh monet [Stablecoins as a new word in the cryptocurrency market]. Finansovyy zhurnal [Financial Journal], 2022, vol. 14, no. 1, pp. 126–139. (In Russ.)
4. Egorova M.A., Belitskaya A.V. Finansovaya stabilnost i "stabilnye monety" (steiblkoin): pravovoy aspekt [Financial stability and stablecoins: the legal aspect]. Yurist [Jurist], 2021, no. 11, pp. 2–7. (In Russ.)
5. Nikitin D.V. Vidy tsifrovykh valyut i spetsifika ikh pravovogo rezhima [Types of digital currencies and specificity of their legal regime]. Obrazovanie i pravo [Education and Law], 2022, no. 11, pp. 168–173. (In Russ.)
6. Niklaus V.S. O pravovoy prirode i ponyatii steiblkoinov [On the legal nature and concept of stablecoins]. Finansovoe pravo [Financial Law], 2024, no. 5, pp. 34–37. (In Russ.)
7. Novoselova L.A., Medvedeva T.M. O formirovanii pravovogo rezhima steiblkoinov [On the establishment of the legal regime for stablecoins]. Bankovskoe pravo [Banking Law], 2021, no. 6, pp. 7–14. (In Russ.)
8. Pepelyaeva L.V. Novye napravleniya ispolzovaniya steiblkoinov i voprosy pravovogo regulirovaniya [Emerging applications of stablecoins and the legal-regulatory issues they raise]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava [Actual Problems of Russian Law], 2026, no. 4, pp. 48–61. (In Russ.)
9. Peresedov A.M. O sovershenstvovanii zakonodatelnogo opredeleniya tsifrovoy valyuty [On improving the legislative definition of digital currency]. Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Bulletin of the Saratov State Law Academy], 2026, no. 1 (168), pp. 272–278. (In Russ.)
10. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Tsifrovye aktivy: pravovoy analiz: monografiya [Digital assets: a legal analysis: monograph]. Moscow, 4 Print Publ., 2020. 304 p. (In Russ.)
11. Steiblkoiny: napravleniya razvitiya v Rossii. Doklad dlya obshchestvennykh konsultatsiy [Stablecoins: directions of development in Russia. Report for public consultations]. Moscow, Central Bank of the Russian Federation Publ., 2026. 47 p. (In Russ.)
12. Tolstopyatenko G.P., Khozova E.A. Pravovoe regulirovanie steiblkoinov v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Legal regulation of stablecoins in Russia and abroad]. Finansovoe pravo [Financial Law], 2026, no. 5, pp. 25–28. (In Russ.)